

А.Г.Балакай

(Новокузнецк)

Уроки Словаря Заметки современного читателя о словаре В.И.Даля

Настоящие заметки не претендуют на научный анализ или системный обзор. Записи делались в разное время и по разному поводу. О Словаре В.И.Даля сказано и написано за полтора века немало, но когда читаешь и перечитываешь словарные статьи, трудно отрешиться от мысли, что Словарь нами еще далеко не осмыслен и по достоинству недооценен. Содержание и судьба Словаря весьма поучительны и для наших дней. Ведь Словарь не только наше прошлое, но в значительной своей части еще настоящее и — как знать — возможное будущее. При вдумчивом чтении Даль может дать щедрый урок — «науку вперед» и современным ученым, и современным учащимся.

Многое изменилось за последние годы, но нет-нет да и услышишь от подзубрившей студентки со ссылкой (а чаще уже и без ссылки) на Ленина, что, де, словарь Даля «областнический словарь и устарел».

Ленина сегодня цитировать не модно, однако из песни слова не выкинешь, приходится напоминать и другие слова из ленинской записки Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и стыду моему впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...». Не знаю, может быть, и «не царское это дело» во время разрухи и гражданской войны читать и оценивать словари (что-то не слышно от современных политиков подобных откровений), но записка председателя совнаркома, как бы ни интерпретировать сегодня ее содержание, сыграла значительную роль в судьбе отечественной лексикографии, а значит, и в изучении русского языка в целом. Факт, заслуживающий осмысления.

Чем старше становлюсь, тем, по словам поэта, «усердней с каждым днем гля-

жу в словарь», и всякий раз не ухожу без открытий. Но сколько еще осталось неизведанного, по достоинству не оцененного! Неужели это несметное сокровище так и останется не востребованным? Господи, вразуми: у воды стоим и пить просим!

Из всех словарей русского языка толковый словарь В.И.Даля занимает особое место в нашей филологии и культуре. Масштабные достижения современной лексикографии не только не затмили, но, напротив, сделали очевидными и общепризнанными многочисленные достоинства Словаря. Более того, успехи теории и практики общей и русской лексикографии XX в. стали возможными во многом благодаря Далю. Особенно хорош Словарь Даля в окружении современных могучих академических и других многообразных словарей русского языка.

Так почтенный старец обретает особое величие в окружении достойных сыновей, внуков и правнуков.

Словарь Даля больше чем словарь. Возможно, из написанных это самая объективная глава истории России, менее всего подвергшаяся хирургическому вмешательству историков и политиков.

Словарь Даля уникален тем, что это авторский словарь, живописный портрет великорусского языка, выполненный русским мастером, глубоко знающим и любящим свой народ и родной язык. И как талантливо написанный портрет может много рассказать не только о том, с кого он написан, но и о самом живописце, так и Словарь может рассказать внимательному читателю о В.И.Дале больше, чем все его биографы и исследователи. Языковая личность Даля стала феноменальной частью содержания словаря, представляющей самостоятельную научную, историческую и культурную ценность.

Нам, «ленивым и нелюбопытным», доведшим свою землю, родной язык и национальную культуру до «катастрофической деградации»¹ и оказавшимся на пороге третьего тысячелетия в «национальной растерянности и социальной наготе»²; безусловно, есть в чем каяться и почти нечем оправдаться. Но если в числе самых больших ценностей мы принесли с собою в XXI век словарь Даля, уже одно это вселяет надежду на благоприятное будущее. Он, по определению А.И.Солженицына, словарь нашего языкового расширения: «Лучший способ обогащения языка — это восстановление прежде накопленных, а потом утраченных богатств»³.

Удивительное дело! В последние десятилетия «социальных переломов» и «потрясений», «передела» и «беспредела», в чужду доморощенной и иноземной пошлости и скверны Толковый словарь живого великорусского языка XIX века издается и переиздается как никогда прежде: любое издание, в любом формате и даже в любом объеме — от традиционных четырех фолиантов до карманной книжицы.

Поначалу «Даль в сокращенном варианте» вызывал у меня и многих моих знакомых удивление, граничащее с возмущением, все равно как если бы фрагмент известной всем картины кто-то стал выдавать за целое полотно. «Что за шутки? Разве это Даль? Обрезки какие-то! Надувательство!» Кто же спорит, лучше иметь полный словарь, чем выдержки из него. Но случается, что путь к просвещению начинается и с листка отрывного календаря.

Сегодня востребован не только Даль, издаются и — что самое отрадное — раскупаются, по ценам отнюдь не общедоступным, разнообразные словари, о каких еще 20–30 лет назад даже узкие специалисты не мечтали. Откуда такой повышенный интерес к языку? Может быть, вновь сработал инстинкт национального самосохранения, как уже не раз бывало в России в годы серьезной опасности, когда язык и вера предков вдруг начинали ясно осознаваться «той чертой, за которую нельзя было допустить никакого иноземного влияния, чтобы не стала на земле

смута»⁴, чертой, отступив за которую народ превращается в население, а государство — в территорию.

Интерес к словарям может быть сугубо практическим и даже меркантильным. Это вопрос нашего воспитания, образования и культуры. Как здесь не вспомнить слова секретаря Общества любителей российской словесности А.А.Котляревского, сказанные им в 1868 г. по поводу окончания труда В.И.Даля: «Тот никогда не поймет и не оценит подвига В.И.Даля, кто к его Толковому словарю станет прибегать лишь в случае обиходной нужды, по необходимости понимать то, что случается читать или слышать. Такое бедное значение выпадает на долю Словаря родного языка лишь тогда, когда общество не чувствует других потребностей, кроме практических и других интересов, кроме интересов будничного существования. И, помимо практической нужды, Словарь родного языка не должен оставаться закрытой книгой. Он может деятельно участвовать в судьбах народной образованности, литературы и науки...»⁵.

С ухмылкой говоря о «великом и могучем» (*Сказал ему пару слов на великом и могучем...*), понимаем ли, что (в который раз!) над наготой отца своего посмеялись? О великом, могучем, правдивом и свободном русском языке можно говорить, имея в виду прежде всего и главным образом язык наших предков, на котором была создана великая русская литература XIX–XX вв. Современный русский литературный язык конца XX столетия после очередных «лексических взрывов» и «социальных потрясений»⁶ находится в состоянии «расслабленности»⁷ и, кажется, уже неспособен породить великую литературу. Во всяком случае, такого длительного периода накопления литературного гумуса, как в последние десятилетия, история русской литературы XIX–XX вв. не знала.

Скажут: чему же удивляться, как живем, так и выражаемся. Это не правда, а половина правды. Другая половина — как выражаемся, так и живем — тоже должна быть принята во внимание. Даль предупреждал: «с языком, с человечес-

ким словом, с речью безнаказанно шутить нельзя, словесная речь человека — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» [с. XV].

Мало почитать Даля, его надо внимательно читать и перечитывать по поводу и без повода, хотя бы по одной словарной статье в день, для профилактики национального склероза (откуда мы родом?) и духовного иммунодефицита.

Новые ценности может создать лишь тот, кто способен понять и оценить опыт предшественников, труд и талант старых мастеров. Один из главных уроков Словаря — благодарное отношение к составителям русских словарей. «Первое призывательное слово мое по сему делу, должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены; затем я должен сказать искреннее спасибо и всем прочим русским словарям, служившим для справок и поверок» [с. XXVII].

Иногда говорят и пишут: «Даль не был филологом», «Даль не был специалистом»... Конечно, не со всем, что есть в Словаре Даля, современный лингвист может согласиться. Но ведь и в академических словарях не все бесспорно. У лексикографов в ходу поговорка: «Кто на всех угодил, тот еще не родился». Даль действительно не был узким специалистом в утилитарном смысле слова, что для составителя толкового словаря скорее не недостаток, а достоинство, по нынешним временам и вовсе редкое. Даль не был дилетантом. Он был настоящим врачом, настоящим писателем, настоящим этнографом, настоящим ученым в области русской народной словесности. Он автор учебников по естественной истории — «Зоологии» и «Ботаники», получивших официальное признание в научной среде. Не будем забывать, что еще в 1838 г., то есть за 25 лет до выхода Словаря, Даль был избран в члены-корреспонденты Академии наук.

Может быть, именно потому, что Даль не был узким специалистом, ему и удалось составить такой словарь, который с непреходящим интересом и пользой для себя читает уже не одно поколение, в

том числе и специалисты самых разных областей. Кажется, акад. В.В.Виноградов тонко подметил: «Слишком глубокие лингвистические познания мешают проникновению в дух языка».

Принцип глобального отбора лексики, известный сегодня каждому лексикографу, восходит к Далю. Бодуэн абсолютизировал этот принцип в третьем издании. Но глобальный отбор, по Далю, не означает включения в словарь «всех слов без разбора». На то он и отбор. Например, жаргонные слова Даль вообще не относил к русскому народному языку, полагая их явлением искусственным, инородным, употребляемыми офенями, конскими барышниками, жуликами, мошенниками. «У нас вовсе нет того, что другие народы зовут жаргоном, чему у нас и нет даже названия, то есть наречия искаженного, картавого, порождения племени, принявшего, по обстоятельствам, чужой язык и обработавшего его по-своему; у нас есть нечто подобное только у полуобрусевших инородцев...» [с. XVII]. По нынешним временам, когда эпидемия жаргона поразила все сферы общения — от политической трибуны до детской площадки, — суждение Даля способно вызвать недоумение — так далеко «продвинулась» наша коммуникативная культура за полтора века.

Далю было известно жаргонное слово *бабки* в значении «деньги». В его рассказе «Петербургский дворник» говорится, что дворник Григорий понимал отчасти язык петербургских мошенников и воров и однажды «больно насмешил веселого Ивана, когда... небольшая шайка... увидев товарища, поставленного для наблюдения за *ширманами* (то есть за карманами пешеходов), встретила его вопросом: «Что клею?» — то есть: «Много ли промыслил?» А Григорий отвечал преспокойно: «Бабки, веснухи да лепень», то есть деньги, часы да платок; и мошенники с недоумением посмотрели на Григория, не зная, мазурик ли это, то есть товарищ ли, или предатель».

В словарной статье БАБА есть и многозначное слово *бабки*, однако в жаргонном значении оно помещено в статью МАЗУРИК «карманный вор, комнатный и уличный в городах, особ, в столицах, где они

придумали свой язык, *байковый* или *музыку*. *Ходишь по музыке?* говоришь ли по-нашему? *Фараон, будочник;... мешок, приемщик краденого;... сара, бабки, деньги; шишка, бумажник; шмель, кошелек... жулик, нож и мальчишка помощник...*».

А вот оценочное прилагательное *клёвый*, широко используемое в современной молодежной речи, в словаре Даля есть и помещено в отдельную словарную статью.

КЛЁВЫЙ *разг. тмб. тер. влд.* клужий, клувый, хороший, пригожий, красивый, казистый, добротный; выгодный или полезный. *Это клёвое дело, путь будет. Клёвая невеста.*

Есть в словаре Даля и прилагательное *крутой*, «упорный, своеобычный, повелительный, настойчивый, неуступчивый». *Крутой нрав, человек*. Видимо, в таком значении употребляет это слово А.И.Герцен: «крутой Базаров увлек Тургенева, и, вместо того, чтобы посечь сына, он выпорол отцов»⁸. Однако как еще далеко до современного жаргонизма *крутой* — «проявляющий особую жесткость в своих действиях, поведении; демонстрирующий свою физическую силу или большое влияние»⁹.

Подвиг Даля состоит и в том, что он первым из лексикографов прошел на ладной ладье здравого смысла между Сциллой «азбучного порядка» и Харибдой «корнеслова», первым избрал единицей описания лексико-фразеологическое гнездо, сохранив тем самым сложную, переплетенную корневую систему живого слова. Этот путь и сегодня архитруден, он оказался не по силам даже составителям 17-томного словаря, которые с 4-го тома перешли с гнездового на алфавитный порядок. Даль, как никто, понимал слабые стороны алфавитно-гнездового расположения и думал о создании «объемистого указателя». Эту мысль о составлении Алфавитного указателя слов, помещенных в словаре Даля, сегодня надо додумать. Очень нужен современному пользователю пятый, справочный том.

Гнездовой способ расположения более информативен и экономен, чем алфавитный. Гнездовое расположение

способствует осуществлению лексико-графического принципа «минимального толкования» и одновременно позволяет представить слова не только в их современных значениях, но и отчасти в историко-этимологических слово- и фразеологических связях.

Словарь, построенный по алфавитно-гнездовому принципу, требует от читателя не только любопытства, но прежде всего душевного и интеллектуального трудолюбия, высокой читательской культуры. Эту культуру надо возвращать с детских лет.

Неопытному читателю поначалу трудно понять, что интересующее его слово или выражение может находиться внутри словарной статьи, и прежде чем добраться до него, надо прочитать всю или хотя бы часть статьи и тем самым *подготовиться к встрече со словом*.

Гнездовой словарь развивает у читателя способность мыслить не только «по горизонтали», с учетом реалий сегодняшнего дня, но и «по вертикали», с учетом прежде накопленных знаний и исторического опыта, который хранится в исторической памяти слов. Он «заставляет» читателя хотя бы отчасти видеть слово в системе, сравнивать с рядомположными словами, следовательно, способствует более точному пониманию его значений и оттенков. Именно на оттенках, трудно поддающихся описанию, и зиждется зачастую прагматика — воздействующая сила слова.

Читателю, имеющему опыт работы с академическими словарями, толкование значений некоторых слов в словаре Даля может показаться недостаточно научным и даже наивным. Но это впечатление чаще всего обманчиво. После сравнения с разными словарями оказывается, что в конечном счете самую полную информацию о слове ты получил именно из «наивного» толкования Даля. Чтобы не быть голословным, приведу из великого множества только два примера, связанные с обхождением.

«...*Брат*, или ближний, все мы друг другу, и называемся так в дружеской или

нечопорной беседе, что особенно сохранилось в монашестве, в простом народе и в нашем обращении к нему; обычное обращение в речи к ровне или к низшему; в этом значе<нии> слово *брат* принимает все оттенки ласки, приязни, снисхождения и гордого самовозвышения...». В каком толковом словаре русского языка это значение слова *брат* раскрыто полнее и точнее?

«ЭТИКЕТ, м. фрн. чин, порядок, светский обык внешних обрядов и приличия; принятая, условная, ломливая вежливость; церемониал, внешняя обрядливость. <Этике>-*тный*, к сему относящийся <Этикет>-*ничать*, с важностью и настойчивостью блюсти этикет, будто дело». Тому, кто сочтет такое толкование устаревшим, не помешало бы ознакомиться с историей слова *этикет*, которое в русский язык из французского пришло не на пустое место. Заодно и подумать, почему слово *этикет* после революции вплоть до 70-х годов (до эпохи «разрядки») у нас крайне редко употреблялось с положительной коннотацией, а если и употреблялось, то с неперменным сопровождением *советский*?

Три дела одинаково трудны для составителя словаря: завершить словарь, найти толкового редактора и отыскать некорыстного издателя.

Даль отдал Словарю 47 лет своей жизни. П.И.Мельников, биограф Даля, свидетельствует: «В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неугомонно, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: «Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду!»¹⁰.

¹ См.: Сиротинина О.Б. Теоретические проблемы культуры речи // Культура речи в разных сферах общения: Тезисы докладов Всероссийской конференции 15–17 сентября 1992 г. — Челябинск, 1992.

² См.: Панченко А.М. Папа Московский, или Язык как диагност // Общая газета. — 29 окт. — 4 нояб. 1993.

³ Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. — М.: Наука, 1990. — С. 3.

⁴ Ключевский В.О. Очерки и речи. — М., 1923. — С. 388.

⁵ Цит. по кн.: Чернышев В.И. Избранные труды. — М.: Просвещение, 1970. — Т. 1. — С. 409.

Даль в «Напутном слове вспоминает: «Но когда я первый правочный лист словаря выслал Н.И.Гречу, чтобы он сообщал со мною порадовался началу успеха заветного труда, то этот 75-ти летний делатель, не смотря на вражду мою с грамматикой, не стоял на высылке к нему по почте каждого правочного листа, возвращая его с поправками и заметками своими ко мне, в Москву; а когда я отговаривался, совестью затрудняя его таким нескончаемым трудом, то он отвечал: «Дайте мне умереть за этой работой!» [с. XXVII].

Нам надо с благодарностью помнить имена тех, с чьей бескорыстной помощью Словарь был своевременно издан: А.С.Хомякова, М.П.Погодина, А.И.Кошелева. «Словарь доведен еще только до половины... собирателю под 60 лет; издание станет дорогим, а между тем, вероятно, не окупится; кому нужен неоконченный словарь? — вспоминает Даль. — Тогда поднялся еще один голос, А.И.Кошелева, с другим вопросом: чего станет издание готовой половины словаря? И по ответу, что без трех тысяч нельзя приступить к изданию... деньги эти были, так сказать, положены на стол». Деньги по тем временам немалые — весь годовой доход семьи Даля вместе с его пенсией составлял две тысячи рублей.

Узнав о смерти В.И.Даля, И.С.Тургенев писал в письме П.В.Анненкову: «Итак, мой бывший начальник по Министерству внутренних дел В.И.Даль приказал долго жить! Он оставил за собою след: «Толковый словарь» и мог сказать: «Ehégi monumentum».

⁶ Толковый словарь русского языка конца XX в. / Под ред. Г.Н.Скляревской. — СПб., 1998. — С. 8.

⁷ См.: Названов Дм. Почему нельзя служить Богу на языке мира сего // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. — М., Изд. Сретенского монастыря, 1999.

⁸ Герцен А.И. Собр. сочинений. — Т. XX. Кн. 1. — С. 339.

⁹ Толковый словарь русского языка конца XX в.... С. 344.

¹⁰ Мельников П.И. Вал. Ив. Даль. Критико-биографический очерк // Сочинения Даля. — СПб., 1897. — Т. I. — С. LXXI.